

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

ПРАПОРЩИКЪ САФЬЯНЧИКОВЪ.

(Продолженіе.)

II.

На довольно большое разстояніе въ окрестности, въ которой расположилась знакомая намъ рота, не было богатыхъ помѣщиковъ, а жили мелкопомѣстные дворяне и такъ называемые *полупанки*, т. е. отставные чиновники, выслужившіеся изъ казачьяго званія и отличавшіеся отъ крестьянина только тѣмъ, что ходили не въ народной одеждѣ и говорили нѣсколько ломанымъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, изъ послѣднихъ встрѣчались люди радушные и не безъ средствъ, особенно если кому удавалось занимать мѣсто, приносившее доходы. Паны, однакожь, рѣдко принимали ихъ въ свое общество, не потому, чтобы полупанки рѣзко отдѣлялись отъ массы мелкопомѣстныхъ—масса, вообще, была необразована—а въ силу того же страннаго обыкновенія, которое запираетъ дверь аристократа предъ людьми другой породы. Случалось, что въ большомъ селѣ подобные отставные чиновники населяли цѣлыя улицы и, расходясь съ народомъ изъ нелѣпой спѣси, составляли свои собственные кружки, въ которые вносили мѣщанскіе нравы и обычаи, хотя работали точно такъ же, какъ и крестьяне. Иные, кому

удалось на службѣ нажить деньги, строили домики изъ трехъ-четырехъ комнатъ и вели не крестьянскій образъ жизни, знаясь лишь съ подобными себѣ да съ духовенствомъ. Женское общество этого сословія, при совершенномъ невѣжествѣ, всегда составляло значительную цифру, потому что дочь полупанка не всегда находила жениха, считая низкимъ выйти за крестьянина. Обыкновенно цѣлью ихъ были судовые *паньчи*, канцеляристы; но тѣ женились только на невѣстахъ съ приданымъ. *Панночки* эти по большей части были даже безграмотны, хотя держали себя довольно сѣсиво относительно крестьянокъ, и въ праздники составляли свое общество — поболтать, пощелкать орѣховъ и погадать на картахъ. Изъ военныхъ въ этомъ обществѣ бывали иные юнкера, на которыхъ, какъ на жениховъ, панночки не рассчитывали, но, тѣмъ не менѣе, молодые люди влюблялись подъ-часть взаимно и проводили время не безъ удовольствія. Въ домахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, съ приходомъ полка, особенно гдѣ были невѣсты, возникали нѣкоторыя улучшения, и барышни каждый праздникъ одѣвались тщательнѣе къ обѣднѣ, въ надеждѣ увидѣть офицеровъ.

По справкамъ, собраннымъ нашими знакомцами, помѣщики побогаче жили довольно далеко, и Сафьянчиковъ рѣшилъ не знакомиться съ разною такою мелочью, а поѣхать прямо къ вдовѣ Черепенковой, пока представится случай попасть куданибудь на балъ или на именины. Въ первый же праздникъ, по возвращеніи прапорщика изъ города, назначено было путешествіе на хуторъ вдовы, верстъ за десять, и только въ случаѣ, если бы не было ея дома, заѣхать къ другимъ помѣщикамъ, во первыхъ, чтобъ не остаться безъ обѣда, во вторыхъ, не даромъ проѣздить. Наканунѣ воскресенья, товарищи, по обычаю, сидѣли у Струнихина, предаваясь разнымъ мечтамъ, надъ которыми поручикъ смѣялся лежа на постели, покуривая трубочку и поплеывая съ особеннымъ присвистомъ. Сафьянчиковъ все время былъ въ духѣ, съ нетерпѣніемъ ждалъ записки отъ Мамаджанова и порывался веселиться. Куропѣгинъ тоже не привыкъ сидѣть на квартирѣ, тѣмъ болѣе, что на прежней стоянкѣ «онъ катался какъ сыръ въ маслѣ», по его собственному выраженію, и даже былъ помолвленъ. Чувствуя превосходство Сафьянчикова, Куропѣгину не весьма было пріятно его сообщество, и онъ предпочелъ бы ѣхать безъ него ухаживать за хорошенькими, но какъ прапорщикъ, на этотъ разъ, обладалъ де-

нежными средствами, то и надо было покориться необходимости. Впрочемъ, Куропѣгинъ утѣшалъ себя тѣмъ, что не всѣ же влюбятся въ Сафьянчикова и что собственная его, куроупѣгинская, фигура производила иногда впечатлѣніе на сердце дѣвицъ, несмотря на присутствіе офицеровъ и богаче, и молодцоватѣе. Сафьянчиковъ объявилъ торжественно, что если вдовушка хороша и у нея довольно денегъ, онъ во второй же пріѣздъ сдѣлаетъ предложеніе.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, на тройкѣ обывательскихъ съ колокольчикомъ, валявшимся издавна у Струнихина, два товарища отправились дѣлать визиты. Куропѣгинъ надѣлъ новенькій мундиръ и ужасно хлопоталъ, чтобы не замѣтили заплатки на правомъ сапогѣ, которую ротный сапожникъ хотя и общалъ наложить искусно, однако не сдержалъ обѣщанія. За то Сафьянчиковъ, нарядившись въ кавалерійскіе рейтузы и сапоги со шпорами, былъ очень доволенъ собою и, нафабривъ усы, замѣтилъ Куропѣгину, что «кавалеристъ всегда останется кавалеристомъ, хотя бы и принужденъ былъ носить на шеѣ говядину». На это подпоручикъ не возражалъ, но замѣтилъ въ свою очередь, что если рейтузы и шпоры дѣйствительно придаютъ красоты пѣхотному мундиру, то, съ другой стороны, при встрѣчѣ съ начальствомъ, можно за эту красоту дорого поплатиться.

— Боюсь я!... отвѣчалъ Сафьянчиковъ.

Молодые люди весело разговаривали на телѣжкѣ, которая катилась по гладкой дорогѣ порядочной рысью, и поминутно набивали трубки, съ наслажденіемъ затягиваясь на свѣжемъ воздухѣ.

— Знаешь ли, что я выдумалъ? сказалъ Куропѣгинъ.

— Вѣрно какойнибудь вздоръ! Ха, ха, ха!

— Ты вѣчно смѣешься. Нѣтъ, не вздоръ, а дѣло.

— Какое, у черта, можетъ быть у тебя дѣло?

— А вотъ какое. Ты ѣдешь волочиться за вдовушкой, имѣешь намѣреніе жениться, а я же какъ?

— А мнѣ что за надобность?

— Развѣ это по-товарищески! Нѣтъ, братъ Сафьянчиковъ, не знаю, какъ у васъ въ кавалеріи, но у насъ въ пѣхотѣ должно стоять горой другъ за дружку.

— Гдѣ надо и постоимъ, а здѣсь какой резонъ! Не хочешь ли ты самъ, пижось этакой, пріударить за вдовушкой и вывѣстать лакомый кусокъ у меня изъ подъ носу! Дудки, братъ!

— Этой низости я никогда не сдѣлаю, но и ты обязанъ помогать товарищу.

— Не прочь.

— То-то. Видишь ли, я для тебя ѣду къ вдовушкѣ, буду сидѣть дуракъ-дуракомъ въ то время, какъ вы начнете изъясняться въ любви; но оттуда ты долженъ заѣхать со мною къ этой.... какъ бишь ее?... Телюковской, гдѣ за невѣстой шесть тысячъ приданого.

— А если она хорошенькая?

— Такъ что же? Значитъ, мнѣ же лучше.

— Ну, нѣтъ, лучше тебѣ ѣхать къ нимъ одному.

— Зачѣмъ?

— А за тѣмъ, что отобью, и баста!

— Какъ! у товарища!

— Эхъ, башка ты карофѣгая! Да развѣ можно быть съ хорошенькой и не рассыпаться передъ ней мелкимъ бѣсомъ?

— Не зналъ же я тебя, Сафьянчиковъ, сказалъ со вздохомъ подпоручикъ.

— Нешто я серьезно буду за ней ухаживать! Не видалъ шести тысячъ! Да знаешь ли ты, что я по тысячѣ ставилъ на одну карту!

— Ты меня только пугаешь.

— Ха, ха, ха! А ты и струсилъ.

— Такъ поѣдемъ къ Телюковскимъ?

— Куда хочешь, дай только мнѣ приударить за вдовушкой. А долго мы прогостимъ?

— Ну, знаешь, если живетъ одна молодая женщина, засиживаться не слѣдуетъ, а мы побудемъ до вечера, да и поѣдемъ къ Телюковскимъ.

— Тамъ посмотримъ.

День стоялъ великолѣпный. По окраинамъ дороги пестрѣли еще запоздалые цвѣты, скворцы тучами перелетали съ нивы на ниву, а на несжатыхъ просахъ стада журавлей снимались при звукахъ колокольчика. Въ воздухѣ носилась паутина и, попадая подъ лучи солнца, казалась серебряною на голубомъ фонѣ неба. Но вотъ путники вѣхали въ луга. Впереди сперва показалась высокая мельница съ четырьмя крыльями, а потомъ группа деревьевъ, изъ которыхъ отдѣлялись пирамидальные тополи. Сафьянчиковъ погналъ ямщика, и черезъ четверть часа явственно можно было различить домикъ съ двумя трубами, и возлѣ рядъ

бѣлыхъ хать, тянувшихся по небольшому косогору. Налѣво желкнуло обширное гумно, обставленное множествомъ скирдѣ, и тутъ же паслись большія стада лошадей, рогатаго скота и овецъ.

— Ого, да наша вдовушка хорошая хозяйка, сказалъ весело Сафьянчиковъ:— посмотри, Каропѣгій! Этакъ, чортъ побери, можно зажить помѣщикомъ.

— Вѣдь ты говоришь, что у тебя есть богатый дядя. Тебѣ же что?

— Дурандась ты, братъ, какъ я вижу. Дядя себѣ дядей, можетъ быть проживетъ еще лѣтъ двадцать, а тутъ и женушка разлюли, да и мазъ порядочный.

— Вотъ я такъ благословлялъ бы судьбу, еслибъ хоть сякой-такой домишко, да жена молодая. Эхъ!

— Ты небось и распустилъ бы нюни; не даромъ тебя зовутъ плаксою.

— Чего же больше надо человѣку?

— Увидишь, какъ я женюсь да приберу къ рукамъ имѣніе; я покажу, чего надо человѣку. А! вотъ и дворъ. Смотри, Каропѣгій, никакъ гости.

Каропѣгинъ посмотрѣлъ внимательно.

— Гости-то, гости, сказалъ онъ:— да никакъ я признаю бонбояшъ (*) командира втораго баталіона.

— Что ты врешь, это коляска.

— Ну, ужъ тамъ вру или не вру, а зеленый бонбояшъ знаю.

— Хоть бы сказалъ бонвояжъ, замѣтилъ съ улыбкой Сафьянчиковъ.

— Такъ у насъ въ полку всѣ называютъ.

— Недалеко стоитъ, что ли?

— Говорятъ, довольно далеко, но видно пронюхалъ, что богатая невѣста, а онъ уже давно хочетъ жениться.

— Да вѣдь онъ старъ?

— Немолодъ.

— Да хоть бы и молодъ, мы не испугаемся.

— Ну, не говори: все таки штабъ-офицеръ, вѣсъ въ полку имѣетъ, сколотилъ деньгу.

— Эка важность! И не такихъ за поясъ затыкали.

(*) Т. е. бонвояжъ—крытыя дрожки, какъ онѣ назывались въ прежнее время.

Сафьянчиковъ проговорилъ это по привычкѣ, но въ душѣ трухнулъ при подобномъ соперничествѣ, и если не совершенно потерялъ бодрость, то все же самоувѣренность его понизилась на нѣсколько градусовъ.

— Ты смотри, Сафьянчиковъ, замѣтилъ Куропѣгинъ:—не слишкомъ вольничай передъ нимъ: онъ этого не любитъ, и еще пожалуй не распекъ бы тебя за кавалерійскія брюки.

— Сколько я разъ тебѣ говорилъ, что не брюки, а рейтузы! Смѣетъ распечь! Я вѣдь донашиваю форму, и притомъ мы не въ его баталіонѣ.

— Это ничего не значить. Ну, погляди, вонъ и маіорскую тройку водить его кучерь.

— Эхъ, досадно, чортъ побори! А я думалъ, что мы кутнемъ здѣсь на свободѣ.

Когда товарищи подъѣхали къ крыльцу, на встрѣчу имъ вышла женщина въ затрапезной исподницѣ. На боковомъ крыльцѣ показалось нѣсколько дѣвушекъ, вызванныхъ звуками колокольчика.

— Дома барыня?

— Дома. Пожалуйте.

Изъ небольшой, довольно грязной передней, безъ всякой мебели, въ которой висѣли пучки разныхъ сухихъ травъ по стѣнамъ, а на шнуркахъ сушенія яблоки, офицеры прошли въ залу, уставленную старинными кожаными креслами, увѣшанную лубочными изображеніями генераловъ и уродливыми гравюрами изъ Матильды и Ринальдо-Ринальдони. Въ простѣнкахъ висѣли небольшія зеркала, на окнахъ стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, а полъ устланъ былъ узенькими ряднами въ разныхъ направленіяхъ. Офицеры остановились. Изъ сосѣдней комнаты раздавались женскій смѣхъ и мужской голосъ, говорившій густымъ басомъ. Вскорѣ, однакожъ, послышался шорохъ платья, и молодая, хорошенькая женщина показалась на порогѣ. Товарищи скорымъ шагомъ приблизились къ ней.

— Имѣю честь рекомендоваться—подпоручикъ Куропѣгинъ.

И подпоручикъ, по обычаю того времени, поцѣловавъ руку вдовушки, получилъ соотвѣтствующій поцѣлуй въ щеку.

— Имѣю честь рекомендоваться—корнетъ.... ахъ, извините, позабылъ: теперь прапорщикъ Сафьянчиковъ, сказалъ ловкій эскъ-кавалеристъ, щелкнулъ шпорами и впился въ пухленькую ручку.

— Очень пріятно, господа! Пожалуйте въ гостиную.

Офицеры вошли. Это была маленькая комната. Диванъ, круглый столикъ и шесть кресель составляли всю ея мебель. На столѣ, покрытомъ синей салфеткой, стоялъ подносъ съ водкой и закуской, а на диванѣ возсѣдалъ низенькій, толстый маіоръ, глаза котораго заплыли жиромъ и подбородокъ лежалъ на воротникѣ. Онъ едва кивнулъ головой на поклонъ офицеровъ.

— Покорно прошу садиться, сказала вертлявая хозяйка:— да не угодно ли водочки и закусить съ дороги?

Куропѣгинъ не рѣшался, а Сафьянчиковъ, не желая уронить достоинство кавалериста, щелкнулъ шпорами, подошелъ къ столу, налилъ рюмку алой водки и, пропустивъ ее съ особенной гримасой, принялся за соленье и копченье. Ободренный товарищемъ, и Куропѣгинъ приступилъ къ столу.

Маіоръ пыхтѣлъ и видимо былъ недоволенъ пріѣздомъ офицеровъ. Лоснящееся, гладко выбритое лицо его, съ едва прорѣзанными глазами, и длинныя оттопыренные уши представляли довольно смѣшную фигуру; но маіоръ, какъ всѣ вообще уроды, считалъ себя красавцемъ и любилъ приволокнуться за хорошенькими. Онъ до того былъ ослѣпленъ своей наружностію, что не боялся никакого красавца, и если былъ не доволенъ появленіемъ молодежи, то не потому, чтобы ему было страшно сравненіе хоть бы съ Сафьянчиковымъ, а оттого, что неловко ухаживать за вдовушкой въ присутствіи постороннихъ. Этотъ маіоръ сватался во время каждой стоянки, влюблялся на каждомъ шагу и все-таки не приходилъ къ заключенію, что онъ старъ и не хорошъ для внушенія взаимности. Штабъ-офицеръ вообще, баталіонный же командиръ въ особенности, пользовался извѣстнымъ почетомъ; молодые офицеры въ гостяхъ, невзирая на приглашеніе хозяйна, не смѣли сѣсть въ присутствіи маіора.

Когда гости позавтракали, вдовушка, посматривавшая съ удовольствіемъ на Сафьянчикова, очень любезно просила ихъ садиться. Знакомый съ пѣхотнымъ этикетомъ, Куропѣгинъ поклонился и поглядѣлъ на маіора, какъ бы ожидая ободрительнаго жеста, но Сафьянчиковъ смѣло развалился въ креслѣ и подумывалъ о томъ, что не мѣшало бы затянуться. Брови у маіора нахмурились, и на жирномъ лицѣ выступила краска. Онъ въ ту же минуту хотѣлъ распечь дерзкаго прапорщика, но колебался, потому что самъ первый разъ пріѣхалъ съ визитомъ къ вдовушкѣ.

— Что же вы не садитесь? отозвалась привѣтливо послѣдняя къ Куропѣгину.

— Садись, братъ, проговорилъ густымъ басомъ маіоръ и взглянулъ изподлобья на Сафьянчикова.

Прапорщикъ даже не замѣтилъ этого и завелъ разговоръ съ хозяйкой о чувствахъ вообще и о своемъ разочарованіи въ особенностяхъ. Читателямъ уже извѣстно, какой былъ красавецъ Сафьянчиковъ, и потому не мудрено, что вдовушка съ перваго же раза увлеклась ловкимъ, статнымъ молодымъ человѣкомъ и, бесѣдуя съ нимъ, казалось, забыла о присутствіи уродливаго маіора, который пыхтѣлъ и произносилъ отрывистыя фразы. Сначала маіоръ вмѣшивался въ бесѣду, но, видя, что ему отвѣчаютъ не хотя, всталъ, вышелъ въ залу и началъ ходить, потряхивая эполетами.

Марѣа Михайловна Черепенкова была женщина лѣтъ двадцати-трехъ, полная, веселая, и хотя она овдовѣла недавно и, по общепринятому правилу, не должна бы еще предаваться живости характера, однако, пробывъ около четырехъ лѣтъ замужемъ за семидесятилѣтнимъ старикомъ, она такъ обрадовалась свободѣ, что не слишкомъ обращала вниманія на пересуды кумушекъ. Дочь бѣднаго чиновника въ уѣздномъ городѣ, Марѣа Михайловна училась кое-чему, разумѣется, недѣло и поверхностно, но читать все любила — и романы, и стихи, которые усердно пописывались тогда молодыми людьми и подносились барышнямъ. Мужъ Марѣы Михайловны, отставной штабсъ-капитанъ Черепенко, едва умѣлъ подписывать свое имя, и потому книгъ у него не водилось; но онъ не запрещалъ женѣ читать «романці», какъ онъ выражался, и даже иногда самъ слушалъ въ зимній вечеръ какія нибудь приключенія. Женился Черепенко по страстной любви, на которую, разумѣется, Марѣа Михайловна не отвѣчала и, несмотря на четырехлѣтнее отвращеніе жены къ его убогимъ старческимъ ласкамъ, умирая, онъ завѣщалъ ей все свое состояніе. Оставшись молодой вдовой и достаточной помѣщицей, Черепенкова строила воздушные замки, припоминала всѣхъ молодыхъ людей, кто за ней ухаживалъ, и въ то время, когда ей сердце начало биться сильнѣе и требовать любви, вѣсть о приходѣ полка разнеслась по околотку. На несчастіе вдовушки всѣ роты разиѣстились далеко, и ей не предстояло другой возможности познакомиться съ офицерами, какъ на какомъ нибудь балѣ, или рассчитывать на случайное посѣщеніе. Между тѣмъ, Марѣа

Михайловна подновила свои наряды, велѣла спать лакею новую куртку, приказала побѣлить снаружи домъ и кухню и ежедневно съ утра чесалась и одѣвалась, чего прежде не дѣлала иначе какъ по праздникамъ да съ прїѣздомъ знакомыхъ. Пастухамъ приказано было, чуть только завидятъ военныхъ, тотчасъ давать знать барынѣ. И вотъ ей доложили, что ѣдутъ офицеры тройкой. Вдовушка не помнила себя отъ радости, перебѣгала отъ окна къ зеркалу, и обратно, вылила на платокъ полстклянки духовъ, велѣла прибавить къ обѣду красный соусъ и пирожное, и съ замираніемъ сердца ожидала посѣтителей молодыхъ, развязныхъ, изъ которыхъ лучшей непременно въ нее влюбится. Но когда въ залу ввалился шарообразный маіоръ Голопятовъ и, шаркнувъ коротенькими ножками, отрекомендовался ей какъ заглазый ея поклонникъ, «будучи наслышанъ о ея красотѣ», восторгъ вдовушки охладѣлъ, и у нея отпала даже охота покетничать съ Голопятовымъ. Бесѣда ихъ была незанимательна. Маіоръ рассказалъ вкратцѣ свой формуляръ, коснулся слегка офицеровъ своего баталіона и прямо перешелъ къ невыгодамъ холостой жизни, искусно, впрочемъ, набрасывая очеркъ удобствъ, ожидающихъ жену баталіоннаго командира. Вдовушка даже не находила предмета посмѣяться, потому что маіоръ говорилъ весьма серьезно, и когда ей снова доложили о прїѣздѣ офицеровъ, лицо ея просіяло и молодой женщиной стало веселѣе. Взглядъ на Сафьянчикова окончательно привелъ Марю Михайловну въ восторгъ; она рѣшилась заняться красивымъ прапорщикомъ и ему понравиться. Сафьянчиковъ, по части волокитства, былъ не изъ послѣднихъ въ прежнемъ полку, и потому не любилъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Марю Михайловна ему понравилась, хуторъ ея тоже, и, прежде чѣмъ вдовушка подумала о новомъ замужствѣ, Сафьянчиковъ рѣшилъ, что, если нельзя какъ нибудь «примазаться» и по дружбѣ быть временнымъ обладателемъ хозяйки и ея имѣнія, то, «чортъ побери», можно пожалуй и жениться. И прапорщикъ быстро повелъ атаку на сердце, которое само желало сдаться. Разумѣется, ни Сафьянчиковъ не изъяснялся еще въ любви, ни вдовушка не вызывала его на это, но оба они понимали, что между ними непременно возникнутъ интимныя отношенія. Марю Михайловна спрашивала прапорщика о прежней службѣ, прапорщикъ вралъ съ ожесточеніемъ, и они позабыли, что тутъ же торчалъ Куропѣгинъ,

а главное, что въ залѣ одиноко ходилъ и пыхтѣлъ маіоръ Голопятовъ. Хозяйка первая опомнилась и порхнула въ залу.

— Что же вы насъ оставили? спросила она.

Маіоръ остановился, взъерошилъ волосы и тряхнулъ эполетами.

— Въ дорогѣ, сударыня, насидѣлся, отвѣчалъ онъ.

— Такъ не угодно ли, пойдѣте въ садъ, пока приготовить обѣдъ.

— Какъ прикажете-съ.

— Пожалуйте же въ гостиную, я только накину что нибудь и поведу васъ показывать свои владѣнія.

По уходѣ хозяйки, маіоръ скорымъ шагомъ отправился къ гостиной и остановился на порогѣ. Куропѣгинъ вскочилъ съ кресла, а Сафьянчиковъ словно и не замѣчалъ присутствія старшаго.

— Подойди-ка сюда, любезный! сказалъ, обращаясь къ нему, Голопятовъ.

Сафьянчикова бросило въ краску. Онъ сперва хотѣлъ отвѣчать сидя, но удержался и всталъ.

— Что вамъ угодно?

— Ты какого полка?

— Вотъ странный вопросъ! одного съ вами.

— По какому же ты праву со шпорами, съ усами и въ кавалерійскихъ брюкахъ?

— Я донашиваю форму.

— Помни же, любезный, что донашивать форму можно очень долго на «абафтѣ». Здѣсь мы въ гостяхъ, я самъ первый разъ, мнѣ неловко, но какъ увижу вашего баталіоннаго командира, непременно передамъ.

— Семенъ Егорычъ, сказалъ Куропѣгинъ: — извините его: онъ недавно изъ кавалеріи.

— Мы это знаемъ, знаемъ и то, что баринъ ловко рѣжется въ карты. Но я не могу терпѣть несоблюденія субординаціи.

— Право, маіоръ, началъ Сафьянчиковъ.

— Я не маіоръ, а господинъ маіоръ, и то передъ баталіономъ, а въ домѣ зовутъ меня Семеномъ Егорычемъ.

— Извините, Семенъ Егорычъ, я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ.

— А разваливаться передъ старшимъ въ креслѣ!

— У насъ, въ кавалеріи....

— Выбрось ты изъ головы свою кавалерію! у насъ въ пѣхотѣ младшій обязанъ уважать старшаго. Да я и толковать съ тобой не хочу.

Сафьяничковъ встряхнулъ немного, не за свою особу, не за арестъ, съ которымъ болѣе или менѣе свыкся, но ему пришла грустная мысль о запрещеніи носить шпоры, рейтузы, а главное усы, которые онъ расправлялъ такъ кокетливо. Маіоръ подошелъ къ стѣнѣ и, упершись руками въ бока, началъ разсматривать Кульнева или Сеславина. Въ одно время, въ залу показались — съ одной стороны хозяйка въ салопѣ, съ другой Куропѣгинъ съ двумя трубками.

— Пойдемте, господа, черезъ гостиную, сказала хозяйка.

— Вотъ ваша трубка, Семень Егорычъ, доложилъ подпоручикъ.

— Спасибо.

— Позвольте ужъ и намъ.

— Этого я запретить не могу.

— Нѣтъ-съ, но все же въ присутствіи вашемъ...

— Можно, можно.

Предшествуемые хозяйкой, гости изъ гостиной вышли на крошечное крыльцо, вокругъ котораго разбросано было нѣсколько грядокъ съ поблеклыми цвѣтами, и отправились въ аллею, обсаженную липами и густыми вязами. Маіоръ пристроился къ хозяйкѣ и, идя съ нею рядомъ, набивалъ свою пѣнковую трубку. Молодежь поотстала.

— Куропѣгинъ! выскѣки, братъ, огня.

— Нѣтъ у меня огнива, Семень Егорычъ, а вотъ у Сафьяничкова.

Прапорщикъ вынулъ огниво, кремень, трутъ и добылъ огня. Куропѣгинъ понесъ кусочекъ труту маіору. Раскуривъ трубку, Голопятовъ принялся напѣвать нѣжности вдовушкѣ, которая по минутно оборачивалась посмотреть на Сафьяничкова.

— Какія у васъ манеры въ пѣхотѣ, сказалъ прапорщикъ своему спутнику. Это ни на что не похоже.

— Такъ у насъ заведено.

— А ты хорошъ, Каропѣгій, подаешь трубку маіору.

— Что же тутъ дурнаго? Вѣдь если я тебя попрошу...

— Ты—дѣло другое; для товарища можно сдѣлать услугу.

— А ты, небось, не подалъ бы?

— Я? Атанде-съ!

— Послужишь у насъ, привыкнешь.

— Нѣтъ, чортъ съ вами, лучше я выйду въ отставку. А что, Каропѣгій, вдовушка?

— Ничего, аппетитная, а главное мазу...

— И этотъ маіоръ туда же, ха, ха, ха! Ну, шалишь, ваше высокоблагородіе!

— А онъ у насъ ужасъ влюбчивъ и сейчасъ сватается.

— Да что она съ ума спятила — выйдти за такое гороховое чучело!

— Ну, знаешь, высокоблагородный, два креста, три медали.

— А образина!

— Некрасивъ, то есть.

— Уродъ-уродомъ. Да и гдѣ ему со мной связываться.

— А ты не очень раздражай его. Вѣдь послушай, Сафьянчиковъ, ты не вправѣ носить усовъ и синихъ брюкъ.

— Рейтузъ, сколько я разъ говорилъ тебѣ.

— Все равно, и если онъ скажетъ нашему нѣмцу, смотри, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не попалъ на «абату».

— Абату! Неужели ты не можешь выговорить—гауптвахту. Я, впрочемъ, не боюсь: все это вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ, а ты лучше не хабришься. Знаешь пословицу: ласковый теленокъ двѣ матки сосеть.

— А вотъ лучше подойдемъ поближе и подслушаемъ.

Товарищи прибавили шагу и догнали хозяйку съ маіоромъ на поворотѣ аллеи.

— Много я видѣлъ такихъ гусей на своемъ вѣку, говорилъ Голопятовъ довольно тихимъ голосомъ: — рѣдко бываютъ изъ нихъ исправные офицеры, а больше буяны, пьяницы и картежники.

Вдовушка сказала что-то.

— Э, помилуйте! видна птица по полету.

Марѳа Михайловна оглянулась.

— Что же вы, господа, отстаете? проговорила она.

— Мы раскуривали трубку, отозвался Куропѣгинъ.

Маіоръ понизилъ голосъ.

— Смотри какъ старый хрѣнъ подлипаешь, сказалъ Сафьянчиковъ товарищу: — ну, да не съ его рыломъ въ калашный рядъ. Вдовушка ужъ замѣтила, что я дѣтина — того....

— А признайся, ты уже влюбленъ?

— Какой ты уморительный! Влюблень! Да развѣ у насъ влюбляются серьезно? У насъ, братъ, по-гусарски.

— То есть какъ?

— Приударить — и баста! А ты, Каропѣгій?

— Я желалъ бы влюбиться страстно, мечтать....

— Нюня, ты, нюня! Небось довольствоваться вздохами?

— А знаешь, братъ, и это наслажденіе. Сидишь себѣ на квартирѣ, куришь трубку и мечтаешь.

— А возлюбленная кокетничаетъ съ другими. Удивительно весело! Однако, этотъ маіоръ начинаетъ бѣсить меня.

— Ага! Браво, Сафьянчиковъ, ты ревнуешь....

— Тс! Экая розиня! Вѣдь могутъ услыхать.

— По моему, вдовушка—лакомый кусочекъ.

— И не безъ прилагательнаго.

Въ это время мимо товарищей пробѣжала босоногая дѣвочка и догнала Марю Михайловну.

— Барыня! пожалуйста на кухню толченого сахара, проговорила она, смотря изъ-подлобья на маіора.

— Развѣ я не вынула?

— Не знаю.

— Бѣги и скажи, что сейчасъ, да чтобъ не пережарили тамъ жаркаго.

Дѣвочка убѣжала.

— А вы сами изволите хозяйствомъ заниматься? спросилъ маіоръ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Нельзя же иначе. Мое вдовье дѣло такое: и въ кухнѣ я, и въ клунѣ я, и въ амбарѣ я, все я.

— Безподобно!

— Извините, я на минуту васъ оставлю.

— Не безпокойтесь, сударыня: мы проводимъ васъ до дому. А каковъ садъ? прибавилъ маіоръ, обращаясь къ Куропѣгину.

— Отличный—съ.

— Это тоже по вашей части? спросилъ Голопятовъ хозяйку.

— Я уже вамъ сказала, что всюду мой глазъ, а иначе съ нашими людьми ничего не будетъ.

— Дѣйствительно, говорилъ маіоръ, встряхивая эполетами и поворачивая назадъ за хозяйкой. —А позвольте спросить примѣрно, насчетъ, если встрѣтится какое упущеніе, какъ вы, бѣдныя, справляетесь?

— Скажу вамъ, сначала было очень трудно, отвѣчала вдо-

вупка, смотря на Сафьянчикова: — при мужѣ я не знала, что значить справляться съ мужиками, а теперь....

— Надѣюсь, вы не даете имъ потачки.

— Стараюсь ничего не пропускать: кому пригрожу, кого и за чубъ, а если уже большая вина, велю и высѣчь. Только, знаете, это неприятно для женщины.

— Вы, стало быть, чувствительны.

— Разъ, что чувствительна—и Марѳа Михайловна опустила глаза—а второе, безъ себя велѣть высѣчь — не высѣкутъ порядкомъ; быть же тутъ самой, согласитесь, неприлично.

— Вотъ, сударыня, если бы избрали себѣ мужа, да еще военнаго, не надо было бы и смотрѣть на наказаніе: мужъ отодралъ бы какъ слѣдуетъ. Вы еще почивали бы, продолжалъ маіоръ, вступая на любимую почву: — покоились бы на пуховичкѣ, а мужъ всюду обошелъ, наказалъ бы кого слѣдуетъ, кому бы и потасовку задалъ, а потомъ разбудилъ бы васъ нѣжнымъ поцѣлуемъ.

— Ахъ, что вы это рассказываете! Но я позабыла идти за сахаромъ. Обождите, я сейчасъ.

И вдовушка легко взбѣжала на крыльцо.

— Бой баба! произнесъ маіоръ, смотря на Куропѣгина: — и лихая хозяйка. Желалъ бы я посмотреть, какъ она своей рученкой бьетъ по щекамъ какого нибудь долговязаго верзилу. Смѣются, я думаю, бестіи.

— Имъ трудно пронять мужика-съ, замѣтилъ Куропѣгинъ и засмѣялся.

— Я думаю, она больше съ бабами, сказалъ Сафьянчиковъ.

— Нѣтъ, но я не понимаю, говорилъ маіоръ:—какъ же она сѣчетъ при себѣ: вѣдь это скверная штука въ самомъ дѣлѣ! Надо бы ей преподать кое-какіе совѣты.

— Господа! милости просимъ, сказала хозяйка, показываясь на порогѣ:—столъ накрытъ.

Гости поспѣшили на призывъ хозяйки, выпили водки и сѣли обѣдать. Марѳа Михайловна припрашивала за каждымъ блюдомъ, офицеры все хвалили, чего требовалъ тогдашній этикетъ; прислуга, состоявшая изъ Никитки—малаго лѣтъ сорока, довольно неуклюжаго, въ дегтярныхъ сапогахъ, женщины и босоногой дѣвочки, — суетилась. Къ концу обѣда, когда было осушено нѣсколько бутылокъ вишневки, сливянки, терновки и малиновки, разговоръ сдѣлался живѣе, и самъ раскраснѣвшійся маіоръ на-

чать отпускать тяжеловѣсныя шуточки. При такомъ всеобщемъ веселомъ настроеніи, разговоръ зашелъ о сосѣдяхъ, и Марѳа Михайловна сообщила много интересныхъ подробностей объ окрестныхъ помѣщикахъ. Оказалось, что дѣвицъ въ уѣздѣ было довольно, веселости предстояли, и носился слухъ, что зимой въ городъ хотѣли открыть собраніе.

Послѣ обѣда подали кофе, плодовъ и варенье. Маіоръ, любившій отдохнуть часика два, зѣвалъ и дремалъ на диванѣ; Куропѣгинъ порывался ѣхать къ Телюковскимъ, но Сафьянчиковъ, имѣвшій свои виды, подѣлалъ къ хозяйкѣ и началъ напѣвать ей нѣжности, на которыя отвѣчали если не положительно, то съ тѣмъ небольшимъ жеманствомъ, какое подаетъ почти несомнѣныя надежды.

Когда вечеромъ, послѣ ужина, гости разъѣхались, вдовушка слегка пожала руку Сафьянчикову.

Прошло недѣли полторы, и рѣдкій день, чтобы Сафьянчиковъ, послѣ ученья, не посѣщалъ вдовушки, отдѣлываясь отъ сотоварищества Куропѣгина, который потерялъ всякую надежду познакомиться съ Телюковскими, и дулся на прапорщика, хотя, по возможности, и скрывалъ досаду, имѣя нужду въ послѣднемъ. Струнинъ смѣялся надъ обоими, и когда Куропѣгинъ и Сафьянчиковъ сходились у него, то первому онъ пророчилъ лишніе расходы на амбре и на псаду, а послѣднему гауптвахту и распеканцію по поводу кавалерійскаго наряда и усовъ при встрѣчѣ съ Голопятовымъ.

Описывать подробно короткость прапорщика и вдовушки было бы излишнимъ, потому что Сафьянчиковъ съ перваго раза приударилъ, а вдовушка тогда же показала слишкомъ явное сочувствіе. Можетъ быть, мнѣ замѣтятъ, особенно люди послѣдняго поколѣнія, выросшіе при иныхъ нравахъ и обычаяхъ, что подобная развязка интриги слишкомъ быстра, и что съ одной стороны стыдливость, врожденная женщинѣ, а съ другой — благоразуміе не допустили бы такъ скоро до извѣстнаго результата. Но я могу, въ предупрежденіе этого замѣчанія, сказать одно, что не только въ описываемую эпоху, но и гораздо позже, на походѣ, въ теченіе одной дневки, любовь между молодыми людьми созрѣвала до того, что дѣвицы уходили и вѣнчались тайно отъ родителей со своими возлюбленными. Здѣсь же, къ оправданію развязки, служатъ еще два обстоятельства:

Сафьянчиковъ слѣпшалъ о хорошемъ состояніи Черепенковой, а вдовушкѣ наговорили о немъ какъ о богатѣ и генеральскомъ сынѣ, у котораго дядя гдѣ-то губернаторомъ, а тетка играетъ значительную роль въ Петербургѣ. При встрѣчѣ они понравились другъ другу, съ тою только разницею, что Марѳа Михайловна была очарована Сафьянчиковымъ и позабыла о его генеральскомъ происхожденіи, а прапорщикъ хоть и нашелъ ее хорошенькой и аппетитной, но болѣе цѣнилъ ея состояніе. Не даваясь, однакожъ, въ психологическій анализъ этихъ двухъ индивидуумовъ и предоставляя читателямъ полное право обсуждать неестественность и прочіе недостатки въ нашемъ разсказѣ, мы отправимся на хуторъ Марѳы Михайловны и посмотримъ на влюбленную пару послѣ десятидневнаго знакомства.

Въ извѣстной намъ гостиной, на небольшомъ диванѣ, подложивъ подъ голову гарусную подушку, лежалъ прапорщикъ безъ галстука и курилъ изъ длиннаго черешневаго чубука съ дорогимъ янтаремъ, который получилъ въ подарокъ отъ вдовушки. На столѣ стояли графинъ съ водою, варенье и бутылка наливки. Марѳа Михайловна, кокетливо одѣтая, сидѣла въ креслѣ и, склоняся къ возлюбленному, разглаживала его густыя, черныя какъ смоль, кудри. На лицѣ Сафьянчикова виднѣлось утомленіе, но глаза свѣтились весело, и замѣтна была въ нихъ постройка разнообразныхъ воздушныхъ замковъ. Лицо вдовушки дышало одною любовью, а глаза выражали счастье, преданность и готовность самопожертвованія. Молодые люди уже переговорили о свадьбѣ, которую назначили на 1 ноября, и занимались бесѣдой о будущемъ. Марѳа Михайловна чистосердечно разсказала о состояніи своихъ дѣлъ, не скрывъ ни одного ломбарднаго билета; Сафьянчиковъ, по обычаю, нагаль три коробка о богатствѣ своего воображаемаго дяди и, какъ ловкій надувало, объяснилъ, что этотъ дядя, огорченный его переводомъ въ пѣхоту, сократилъ ему присылку денегъ.

— Но это ничего не значитъ, прибавилъ прапорщикъ:—онъ не можетъ долго сердиться и скоро проститъ навѣрное.

— Однакожъ, душенька, ты долженъ испросить у него благословенія.

— Это зачѣмъ?

— У тебя вѣдь нѣтъ ни отца, ни матери.

— Я совершеннолѣтній.

— Такъ, да все же старику будетъ пріятно.

— Э, душа моя, не въ моихъ правилахъ его баловать.

— Какъ знаешь. А можетъ быть онъ простилъ бы тебя и пріѣхалъ бы на свадьбу.

— Нѣтъ ужь, Марейнка, мы сдѣлаемъ ему сюрпризъ—и прикатимъ къ нему съ визитомъ въ каретѣ. Вѣдь у насъ будетъ карета?

— Право, не знаю—это очень дорого.

— Какіе пустяки! Я поѣду въ Харьковъ и куплю тебѣ за полцѣны самую лучшую: у меня тамъ есть знакомые мастера.

— Видишь ли, другъ мой, мнѣ не хотѣлось бы трогать капитала, а обойдись какъ нибудь.

— Если ты этого желаешь, будь по твоему, но только неприлично женѣ Сафьянчикова, генеральскаго сына, ѣздить въ бричкѣ.

Марѳа Михайловна задумалась. Прапорщикъ обнялъ вдовушку и привлекъ ее къ себѣ. Жаркій поцѣлуй заставилъ ее позабыть всѣ расчеты.

— Все для тебя готова, шепнула она: — только ты люби меня, Миша, люби и не покидай.

— За любовью дѣло не станеть, отвѣчалъ весело Сафьянчиковъ:—а какъ получу наследство отъ дяди, я тебя просто буду водить въ золотѣ.

— Барыня! раздался за дверью тоненькій голосокъ.

— Что тамъ? спросила Марѳа Михайловна, вставая съ мѣста.

— Пожалуйте сюда.

Вдовушка вышла и вскорѣ явилась съ клочкомъ сѣрой бумаги, свернутымъ въ продолговатую форму и запечатаннымъ каплею сургуча.

— Какой-то солдатъ принесъ тебѣ записку.

Сафьянчиковъ развернулъ посланіе, подошелъ къ окну, прочелъ, и лицо его приняло самое веселое выраженіе.

— Надо ѣхать, Марѳуша, сказалъ онъ.

— Какъ? Сегодня?

— Даже сію минуту.

— И ты радуешься...

— Нельзя, дружокъ, не порадоваться. Пришла отъ дяди эстафета.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И съ деньгами. Ура! Вели запрещъ лошадей, я съѣзжу въ

городъ, получу, пошлю отвѣтъ и возвращусь къ тебѣ — здоровъ и невредимъ.

— Нельзя ли завтра?

— Никакъ нельзя.

— Подожди, по крайней мѣрѣ: я велю сжарить на дорогу жаркое, надо бы испечь пироговъ.

— Спасибо, Марейнка! Дѣло не терпитъ отлагательствъ, да въ городѣ и не пропадешь съ голоду. Съ эстафетой шутить не слѣдуетъ.

— По крайней мѣрѣ, напейся хоть чаю.

— Если самоваръ будетъ скоро готовъ, то пожалуй, а то некогда.

— Сейчасъ! сейчасъ! всѣхъ дѣвокъ заставлю раздувать. Ты поѣзжай въ рессорной бричкѣ.

— Въ чемъ угодно.

— Покойнѣе въ бричкѣ. Я велю дать пока лошадямъ овса и положить мѣшокъ съ собою въ городъ. Только ты, душенька, присмотри, чтобъ Терешка не пропилъ его.

— О, въ этомъ будь покойна: я твоего Терешку такъ приструню, что ему небо съ овчинку покажется.

— Голубчикъ ты мой!

И Марья Михайловна, обнявъ возлюбленнаго, поспѣшила отдать нужныя приказанія.

Сафьянчиковъ набилъ трубку, закурилъ и вышелъ въ залу. Читатель, конечно, понялъ, что никакой эстафеты не было на имя прапорщика въ городѣ. Записку получилъ онъ отъ Мамаджанова, который призывалъ его по экстренному дѣлу, а это экстренное дѣло заключалось въ какомъ нибудь прїѣзжемъ, отъ котораго можно было поживиться. Казалось бы, другой на мѣстѣ Сафьянчикова, встрѣтивъ неожиданную возможность обезпечить себя женитьбой на молодой, хорошенькой женщинѣ, навсегда отказался бы отъ игры, тѣмъ болѣе отъ шулерскихъ продѣлокъ; но не таковъ былъ прапорщикъ: онъ уже составилъ себѣ планъ съ помощію капитала будущей супруги обыграть цѣлый свѣтъ, пріобрѣсти милліоны и потомъ прожить ихъ въ свое удовольствіе. Возможность имѣть въ рукахъ около 50 тысячъ (ассигнаціями) придала ему несобыкновенную самоувѣренность, а чтобъ оградить себя отъ притязаній начальства, онъ рѣшился на другой же день подать въ отставку, подкупить ле-

каря и рапортоваться больнымъ. Все это созрѣло въ головѣ Сафьянчикова, пока вдовушка хлопотала возлѣ самовара.

Надо было видѣть, съ какой заботливостію Марѳа Михайловна снаряжала своего возлюбленнаго въ дорогу за двадцать верстѣ: она велѣла положить въ бричку пуховикъ, подушки, стеганое шелковое одѣяло, и банку варенья, и окорокъ ветчины, и бѣлый хлѣбъ; однимъ словомъ, ничто не было забыто. Самоваръ поспѣлъ въ четверть часа, лошадямъ выдана двойная порція овса, а кучеру приказано надѣть новый армякъ, да и лакею Никиткѣ отдано повелѣніе облечься въ новую куртку и быть готовымъ къ поѣздкѣ въ городъ.

Дворня давно уже рѣшила, что пани выходитъ замужъ за офицера, и многимъ это не понравилось, потому что хозяинъ въ домѣ, да еще военный, представлялъ многія неудобства для людей, свыкшихся уже съ женскимъ управленіемъ. Разумѣется, быть дворовыхъ у Черепенковой далеко не могъ назваться хорошимъ, и, какъ читатель могъ замѣтить изъ разговора вдовушки съ маіоромъ, молодая помѣщица управляла всѣмъ на основаніяхъ, общихъ тогдашнему духу времени; но все же трудно женщинамъ добираться до разныхъ мелочей, и многое проходило безнаказанно. Ключница даже поручила одному крестьянину узнать подъ рукой на ротномъ дворѣ, что за птица былъ прапорщикъ, и рѣшилась, сообразно съ ожидаемыми свѣдѣніями, дипломатически дѣйствовать въ кругу своихъ обязанностей. Но сама судьба послала дворнѣ свѣдѣнія въ лицѣ солдата, принесшаго записку, котораго пани приказала угостить и который былъ угощенъ роскошнѣе обыкновеннаго. Ловкій мушкатеръ, смекнувъ дѣло, и притомъ совершенно не зная Сафьянчикова, описалъ его самыми лучшими красками, «что человекъ онъ золотой, богатый, однимъ словомъ отца роднаго не нужно».

Прапорщикъ спѣшилъ выпить чаю и, увѣривъ Марѳу Михайловну въ неизмѣнной любви до гроба, началъ собираться въ дорогу. Подержанная рессорная бричка, заваленная подушками и запряженная тройкой недурныхъ лошадей, давно уже стояла у крыльца, а кучеръ Терешка, въ новомъ армякѣ, но въ рыжей вытертой шляпѣ и въ порванныхъ сапогахъ, сидѣлъ на козлахъ, покуривая коротенькую трубку. Никитка стоялъ на крыльцѣ и предавался мечтамъ о городѣ, раздумывая, такъ ли ему будетъ тамъ, какъ при старомъ панѣ, т. е. предстоитъ ли сухояденіе, или молодцоватый офицеръ дастъ денегъ не только на харчи,

но и на выннвку. Мечты эти были прерваны босоногой дѣвочкой, которая выбѣжала изъ передней, съ крикомъ:

— Подавайте!

Никитка выпрямился, а кучеръ Терешка, спрятавъ носѣшно трубку въ карманъ, подѣхалъ къ самому крыльцу и, сдѣлавъ глупѣйшую фizioномію, сидѣлъ вытянувъ руки и немного косясь на дверь, изъ которой вскорѣ показались вдовушка и Сафьянчиковъ. Последніе, попрощавшись безъ свидѣтелей самымъ нѣжнымъ образомъ, разставались уже при людяхъ довольно церемонно.

— Сдѣлайте же одолженіе, Михайло Степановичъ, сказала хозяйка:—построже съ Терешкомъ и Никиткой: даю вамъ полное право распоряжаться какъ сами знаете.

— Будьте покойны, Марѳа Михайловна, для васъ готовъ отвалить ихъ на всѣ бока. Смотрите у меня, сказалъ онъ, обращаясь, впрочемъ, къ кучеру: — если будете худо вести себя, или напѣтесь, въ городѣ есть гауптвахта, лоза не покупная, а отдерутъ по-военному. Слышите, ракаліи!

— Слышу, проговорилъ Никитка тихимъ голосомъ.

Терешка хранилъ молчаніе.

— Прощайте, Михайло Степановичъ, берегите себя въ дорогѣ и, когда окончите дѣла, съѣздите, если нужно, и въ роту, а лучше бы прямо ко мнѣ: завтра буду ждать васъ къ обѣду.

Сафьянчиковъ сѣлъ въ бричку, оправился и, поклонившись вдовушкѣ, крикнулъ:

— Пошелъ! да не зѣвать, не то чубукъ на спинѣ изломаю.

Терешкѣ спина была, конечно, дороже господскихъ лошадей, и потому онъ, хлестнувъ тройку кнутомъ, поѣхалъ отъ крыльца довольно крупной рысью.

— Стой! закричалъ вдругъ прапорщикъ.

Кучеръ едва удержалъ тройку.

— Отчего не привязанъ колокольчикъ?

— У насъ нѣтъ, ваше благородіе, и при старомъ панѣ никогда не было.

Босоногая дѣвчонка уже легла отъ барыни съ вопросомъ: не случилось ли чего?

— Не беспокойтесь! проговорилъ громко Сафьянчиковъ, кланяясь вдовушкѣ: — я спрашивалъ, зачѣмъ безъ колокольчика.

— У насъ нѣтъ! прокричала Марѳа Михайловна, махая плат-

комъ. Прощайте! Завтра жду къ обѣду. Будутъ лѣнныя вареники.

— Постараюсь. Пошелъ, розиня!

Кучеръ снова хлестнулъ тройку и помчался по хутору. Ему очень хотѣлось оглянуться и обмѣняться взорами съ Никиткой; но боязнь возбудить гнѣвъ сердитаго офицера мѣшала этому удовольствію. Никитка, съ своей стороны, стоя на запяткахъ и держась за отрепанныя кисти, раздумывалъ, можно ли ему сѣсть на дощечкѣ или нужно спросить позволенія. Только что бричка миновала послѣднюю хату и выбралась въ степь, на дорогу, на встрѣчу показалась другая тройка, летѣвшая очень быстро, о чемъ можно было судить по отрывистому звуку голосистаго колокольчика. Сафьянчиковъ выглянулъ изъ брички и увидѣлъ какой-то крытый экипажъ, катившійся по дорогѣ. Коренникъ бѣжалъ большою рысью, пристяжныя, завиваясь, летѣли на отлетѣ.

— Кто это? обратился прапорщикъ съ вопросомъ къ кучеру.

— Что-то незнакомое и должно быть полковое. А! а! это толстый офицеръ, что былъ уже у насъ.

— Маіоръ, что ли?

— Такъ и есть маіоръ. Я узналъ деньщика. Вотъ они за-видѣли насъ и приостановились.

— Поѣзжай и ты потише.

Когда экипажи готовы были встрѣтиться, тройка съ колокольчикомъ остановилась, и изъ извѣстнаго боивояжа едва вылѣзъ маіоръ Голопятовъ, котораго деньщикъ увѣрилъ, что бричка принадлежитъ вдовушкѣ. Маіоръ махнулъ рукой Терешкѣ, и этотъ, въ свою очередь, осадивъ лошадей, приподнялъ шляпу. Семень Егорычъ съ улыбкой подходилъ къ бричкѣ, готовясь высказать сожалѣніе о неудавшемся визитѣ, но высказать такимъ образомъ, чтобы вдовушка поняла наконецъ настоящую цѣль его посѣщенія. Но какъ же онъ удивился, увидя въ бричкѣ Сафьянчикова, который курилъ изъ длиннаго чубука, развя-лясь самымъ нецеремоннымъ образомъ.

— А! это ты, любезнѣйшій! только и могъ проговорить Голопятовъ.

— Это я ѣду въ городъ.

— Гм! И ты не могъ встать передъ штабъ-офицеромъ?

— Я не зналъ, что это вы, да мнѣ и трудно вылѣзть изъ брички: здѣсь такъ много наложено.

— Хорошо, хорошо, объ этомъ послѣ. А Марѳа Михайловна дома?

— Дома.

— По какому же ты случаю на ея лошадахъ? Вѣрно, выпросилъ.

— Выпросилъ, отвѣчалъ прапорщикъ съ иронической улыбкой.

Маіоръ оборотился и махнулъ рукой на своего кучера. Тотъ соскочилъ съ козелъ, помогъ Голопятову сѣсть въ бонвоажъ и, получивъ сперва затрепину, а потомъ приказаніе, погналъ тройку по дорогѣ къ хутору Черепенковой.

Но мы оставимъ маіора съ его любезностями и послѣдуемъ за Сафьянчиковымъ. Вечерѣло, когда прапорщикъ пріѣхалъ въ городъ и остановился у постоялаго двора, хозяинъ котораго встрѣтилъ его съ униженными поклонами, объявилъ, что прежняя его квартира занята, но что есть другая. Не успѣлъ Сафьянчиковъ войти въ комнату, какъ уже факторъ, словно вылѣзшій изъ земли, шепнулъ, что его ожидаетъ Степанъ Захарычъ Мамаджановъ.

— Хорошо, ступай и скажи, что буду.

Сафьянчикова самого брало нетерпѣніе, и потому, приказавъ снести вещи и прочитавъ мораль Терешкѣ и Никиткѣ относительно поведенія и ухода за лошадьми, онъ быстро отправился къ Мамаджанову.

— А! дружище, сказалъ послѣдній: — чуть не опоздалъ.

— Какъ получилъ записку, тотчасъ и поѣхалъ. А что?

— Есть гусь, да еще лапчатый: одинъ гусарскій юнкеръ ѣдетъ изъ отпуска шестерикомъ въ коляскѣ, пропасть вещей и денегъ.

— Зачѣмъ же его нелегкая здѣсь остановила?

— Курьезная штука: провалился мостъ, и нѣтъ ходу на ту сторону. Только завтра починатъ.

— Ну?

— Разумѣется, я не игралъ. Наши нѣкоторыя ищейки рѣзались уже, да вѣдь знаешь, какой это народъ.

И Мамаджановъ плюнулъ.

— Знаю.

— Надобно сегодня облапошить добраго молодца. Я совѣтовалъ бы тебѣ вступить въ знакомство.

— Это недолго. А играть гдѣ?

— Да вѣдь ты остановился съ нимъ на одномъ постояломъ, такъ и пригласи его и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Денегъ не промоталъ?

— Гдѣ промотать въ деревнѣ?

— Въ случаѣ, если игра составитъ у тебя, дѣлаемъ вечеръ пополамъ, только чтобъ никто не зналъ объ этомъ.

— Разумѣется.

— Ступай же поскорѣе и пригласи кой-кого, да нельзя ли поменьше.

Выкуривъ наскоро трубку и получивъ отъ Мамаджанова полдюжины запечатанныхъ картъ, Сафьянчиковъ поспѣшилъ на квартиру. Фактору отдано приказаніе сходить на половину юнкера и узнать, что тамъ дѣлается. Факторъ донесъ, что гусаръ спалъ послѣ обѣда, проснулся и игралъ съ собакой, а люди готовили чай. Сафьянчиковъ пошелъ къ юнкеру и отрекомендовался какъ гусаръ, по несчастію попавшій въ пѣхоту, но который въ душѣ остался тѣмъ же гусаромъ и какъ роднаго готовъ обнять даже кавалерійскаго солдата. Юнкеръ, молодой человекъ лѣтъ осьмнадцать, красивый и добродушный, чуть не съ распростертыми объятіями принялъ Сафьянчикова, велѣлъ подать чаю, рому и тутъ же рассказалъ о знакомствѣ съ нѣкоторыми пѣхотинцами, привравъ малую толику, чему охотно вѣрилъ нашъ прапорщикъ.

— Знаете что? сказалъ послѣдній юнкеру:—я пришелъ звать васъ къ себѣ.

— Какъ же это? у меня чай готовъ.

— Видите ли, я не зналъ о вашемъ пріѣздѣ и пригласилъ товарищей. Здѣсь есть одинъ тоже изъ кавалеріи — такъ себѣ добрякъ; придетъ лекарь и, можетъ быть, квартирмейстеръ. Не мудрено, что и перекинемся.

— Пожалуй; только эти пѣхоташки ставятъ по гривеннику.

— Ха, ха, ха, и того менѣе. Но мы составимъ порядочную. Такъ я въ надеждѣ видѣть васъ?

— Постойте же! чаю или пуншу?

— Нѣтъ, ужь лучше рюмку голяку, а черезъ часъ милости просимъ ко мнѣ на чай.

— Буду.

— До свиданія. Можетъ быть, вы любите въ коммерческія?

— У насъ въ дивизіи не любятъ эту канитель тянуть, да оно и не по-гусарски.

— Bravo! я самъ того же мнѣнія.

И Сафьянчиковъ, призвавъ хозяина, которому велѣлъ распорядиться относительно мебели и посуды, и поручивъ фактору принести вина и рому, побѣжалъ къ Мамаджанову за совѣтомъ на счетъ посѣтителей. Положено было пригласить квартирмистра, лекаря и для балласта нѣсколько понтеровъ. Приглашая гостей, прапорщикъ встрѣтилъ у квартирмистра одного помѣщика, большого любителя «направо и налѣво», который съ удовольствіемъ согласился придти на вечеръ, и, такимъ образомъ, въ квартирѣ у Сафьянчикова собралось челоуѣкъ семь къ назначенному времени. Юнкеръ пришелъ послѣднимъ и былъ представленъ хозяиномъ какъ лихой гусаръ и молодецъ на конѣ и на зеленомъ полѣ. Юнкеръ старался больше всего о поддержаніи кавалерійскаго достоинства, растегнулъ ментикъ и принималъ самыя безперемонныя позы.

Няикитка, юнкерскій камердинеръ и факторъ исполняли обязанность слугъ и разставили два зеленыхъ стола, за которыми и усѣлась компанія—сперва задать пуншацию, а потомъ заняться дѣломъ. Но вскорѣ двухъ столовъ оказалось мало, потому что пришли нѣсколько офицеровъ, которые подходили къ Сафьянчикову и, поздоровавшись, говорили, что обрадовались его пріѣзду и пришли навѣстить по-товарищески.

Квартирмистръ привелъ съ собою помѣщика Старошапку, который сиповатымъ голосомъ выражалъ каждому удовольствіе познакомиться и тутъ же приглашалъ къ себѣ въ деревню, описывая свое богатство, вліяніе и удобства. Это былъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ, высокій, съ ястребинымъ загнутымъ носомъ, съ медвѣжьими манерами, въ сѣромъ широкомъ сюртукѣ, на одной изъ пуговицъ котораго болтался кисетъ съ табакомъ. Въ рукахъ у него постоянно былъ чубукъ съ историческимъ бѣлымъ янтаремъ, извѣстнымъ далеко въ окрестности. Помѣщикъ вымѣнялъ этотъ янтарь за дворовую дѣвушку, что равнялось тогда семидесяти рублямъ ассигнаціями, и любилъ похвастаться подобной дорогой вещью. Игралъ онъ во всѣ игры и слылъ золотымъ рудникомъ для партнеровъ, потому что никогда не выигрывалъ, и, какъ бы ни шла ему карта, онъ всегда ухитрялся испортить свою игру и постоянно приплачивался. Страсть доходила у него до того, что, проигравъ наличныя деньги, онъ игралъ на вещи, наконецъ на продукты, нерѣдко спуская хлѣбъ, находившійся еще на корню, и могъ просидѣть за картами трои

сутки сряду. Онъ пріѣхалъ въ городъ собственно съ цѣлью познакомиться съ игроками, потому что въ окрестностяхъ его деревни расположена была рота, въ которой офицеры состояли преимущественно изъ бурбоновъ и досуги свои посвящали исключительно пѣннику, не имѣя о картахъ ни малѣйшаго понятія. Сосѣди охотно играли съ Старошапкой, но игра велась небольшая и непостоянная, а онъ, особенно при деньгахъ, возмущался малыми кушами; въ банкъ же и штось у нихъ не играли, развѣ гдѣ нибудь при большихъ сѣздахъ, а Старошапка любилъ и метнуть и попонтировать. Приготовивъ нѣсколько сотъ пудовъ пшеницы и овса, Старошапка поѣхалъ въ городъ продать свои продукты. Онъ могъ это сдѣлать и не выѣзжая изъ деревни, пригласивъ Евреевъ-спекулянтовъ; но ему хотѣлось поѣхать въ городъ, завести знакомство съ офицерами и вообще кутнуть за глазами у жены, которая болѣе или менѣе сдерживала его размашистую натуру. Узнавъ, что игра велась часто у квартирмейстера, онъ отправился къ послѣднему предложить хорошаго овса, но главное—сразиться въ карты. Мы уже видѣли, какимъ образомъ онъ попалъ на вечеръ къ Сафьянчикову. Не успѣлъ помѣщикъ допить стаканъ чаю, какъ началъ обнаруживать нетерпѣніе и намекалъ, что грѣхъ «терять золотое время». Нѣкоторые голоса поддерживали Старошапку, и возникло разногласіе — сыграть ли прежде въ бостонъ, или прямо приступить къ скороспѣлкѣ. Игроки раздѣлились; но большинство было на сторонѣ послѣдней, вслѣдствіе чего сдвинуты были оба стола, и общество уѣлось.

Мамаджановъ пропѣлъ извѣстный куплетъ:

«На зеленомъ, други, полѣ» и проч.

Старошапка вызвался заложить банкъ и вынулъ сторублевую ассигнацію. Казначей, зная свою обязанность, досталъ пачку разноцвѣтныхъ бумажекъ, рублей на десять серебра и, ни слова не говоря помѣщику, размѣнялъ его ассигнацію. Понтеры уѣлись.

— Милости просимъ! сказалъ Старошапка, распечаталъ карты, стасовалъ и, закуривъ трубку, посматривалъ на окружающихъ.

— У насъ правило, замѣтилъ квартирмейстеръ:—банкометь не стѣсняетъ понтеровъ: предоставляется ставить кому сколько угодно.

— Я согласенъ, лишь бы больше проигрывали, весело проговорилъ Старошапка.

Публика зашевелилась, доставая деньги изъ кармана, и каждый поставилъ, начиная отъ гривенника и т. д. Юнкеръ покрылъ кушъ картой, и началась талія.

— Господа, я темныхъ не бью, сказалъ помѣщикъ.

Всѣ успѣшили открыть карты, изъ которыхъ три или четыре легли направо. Старошапка весело придвинулъ къ себѣ мелочь и одну синюю ассигнацію. Глаза у него разгорѣлись. Но вотъ юнкеръ выигралъ.

— Сколько у васъ? спросилъ помѣщикъ.

Гусарь молча развернулъ сторублевую бумажку.

— Какъ?

— Весьма обыкновенно.

— Ну, я не зналъ....

— Вѣдь было же сказано, что понтеры не стѣсняются.

— Я такъ не люблю, говорилъ Старошапка жалобнымъ голосомъ:—что эта за игра!

— У насъ всегда такъ въ кавалеріи, отозвался Сафьянчиковъ:—или хомутъ пополамъ, или дуга въ дребезги.

— Ну, кто же закладываетъ? спросилъ казначей.

— Пожалуй, еще заложу, сказалъ Старошапка, вытаскивая изъ бумажника пятидесятирублевую: — только, господа, нельзя же ставить вобанкъ. Нѣтъ, ставьте поменьше, по крайности будетъ удовольствіе наиграться.

— Извольте, сказалъ юнкеръ.

Онъ поставилъ двѣнадцать съ полтиной, взялъ, загнулъ транспортъ, и банка не бывало.

Старошапка бросилъ карты.

— Этакъ нельзя играть.

— Какъ вамъ угодно, никто и не принуждаетъ, отозвался Мамаджановъ, который ставилъ малые куши и не пользовался никакими преимуществами, имѣя въ виду дѣло болѣе серьезное.

Старошапка пошарилъ въ бумажникѣ, но не захотѣлъ уже метать, а сказалъ, что попробуетъ счастья въ понтировкѣ.

Гусарь заложилъ пятьсотъ. Мамаджановъ взялъ ихъ въ одну талію. Старошапка проигралъ всю свою наличность. Юнкеръ вынулъ еще пятьсотъ, но Мамаджановъ съ Сафьянчиковымъ не дали ему и вздохнуть. Гусаромъ овладѣло нетерпѣніе.

— Чортъ знаетъ какое несчастье! сказалъ онъ.

— Не угодно ли, заложимъ пополамъ? сказалъ Мамаджановъ:—я неохотно понтирую.

— Извольте; только я схожу, возьму денегъ. А впрочемъ, велю принести сюда шкатулку. Эй, Филипычъ! принеси мой несесеръ.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли несесеръ. Юнкеръ досталъ оттуда пачку ассигнацій и, отсчитавъ пятьсотъ, положилъ ихъ на столъ. Мамаджановъ вынулъ столько же и распечаталъ новую талію.

Помѣщикъ, отозвавъ въ сторону Сафьянчикова, пошепталъ ему что-то на ухо. Прапорщикъ, ни слова не говоря, далъ ему 50 рублей. Игра началась. Счастье не склонялось ни на чью сторону, никто не ставилъ большихъ картъ, исключая лекаря, который порывался рубликовъ на двадцать на пять.

— Что же, господа, сказалъ юнкеръ: — въ банкѣ тысяча, а вы ставите маленькія карты.

Помѣщикъ погорячился и въ двѣ ставки покончилъ капиталъ. Тогда Сафьянчиковъ вынулъ пятьсотъ и взялъ ихъ извѣстнымъ маневромъ, при содѣйствіи Мамаджанова. Остальные перешли къ нему же.

— Можетъ быть, шампанскаго? отозвался онъ, уловивъ условный знакъ Мамаджанова.

Всѣ изъявили согласіе, и вскорѣ захлопали пробки.

— За здоровье пріѣзжаго гусара! сказалъ Сафьянчиковъ: — и пожелаемъ ему выигрыша.

— Нѣтъ, господа, отозвался юнкеръ, нѣсколько сконфуженный:—я не помню этакаго несчастья. Надобно мнѣ реваншу.

— Извольте, съ удовольствіемъ, я готовъ заложить одинъ и въ половинѣ, согласенъ понтировать: вѣдь вы знаете, у насъ, въ кавалеріи, товарищу предоставляются всѣ средства къ отыгрышу.

Помѣщикъ ходилъ по комнатѣ, курилъ трубку и не зналъ, какъ быть: денегъ у него почти не оставалось, занять у Сафьянчикова неловко, перехватить у какого нибудь Еврея поздно, а играть и отыграться ему сильно хотѣлось.

— Господа, знаете что? сказалъ онъ:—со мной денегъ нѣтъ, а не угодно ли, я заложу пару фореиторскихъ—я ѣзжу всегда съ фореиторомъ. Лошади собственнаго завода. Выигрывайте.

— Что мнѣ за охота играть на лошадей, когда я проигрывалъ чистыя деньги! замѣтилъ юнкеръ.

— Да мы и не видали вашихъ лошадей, сказалъ Сафьянчиковъ.

— Я заложу ихъ въ триста рублей, а каждая стоитъ не меньше двухсотъ.

— А вотъ что я придумалъ, сказалъ Мамаджановъ съ обычной своей находчивостью:—мы человека четыре можемъ играть на одномъ столѣ, остальные на другомъ. Вы, г. Старошапка, сперва заложите одну лошадь, оцените только добросовѣстно; пусть рвутъ господа. Мы займемся своимъ дѣломъ: у насъ пойдетъ серьезная.

Послѣ нѣкоторыхъ преній, публика раздѣлилась на два столѣ: за однимъ Мамаджановъ, юнкеръ и Сафьянчиковъ, за другимъ Старошапка и прочая публика, подъ предводительствомъ лекаря, который игралъ расчетливо и вознамѣрился приобрести пару фореиторскихъ, а если можно, то и коляску.

Юнкера обирали навѣрную; но, чтобы не подать подозрѣній, а главное—больше завлечь жертву, Мамаджановъ велъ игру такимъ образомъ, что иногда попускалъ юношу отыгрываться и потомъ огорошивалъ его искусными вольтами или предательски обрѣзанными картами. Юнкеръ, по всему, имѣлъ о шулерствѣ самыя смутныя понятія, и если при понтировкѣ приходило ему на мысль, что банкометь, можетъ быть, дѣйствовалъ нечисто, то бѣднякъ рѣшительно не зналъ, какъ срываютъ банки навѣрную.

— Закладываю послѣдній разъ, сказалъ юнкеръ:—сорвите,—и баста: у меня мало остается денегъ, а на вещи играть не хочется.

— Можетъ быть, и повезетъ, молвилъ хладнокровно Сафьянчиковъ:—нельзя же, чтобы намъ съ Мамаджановымъ везло постоянно. Придетъ и наша очередь, продуемся: карты вѣдь бумага.

Гусарь заложилъ еще пятьсотъ рублей, и видно было, какъ дрожали его руки.

— Чувствую, что мнѣ не сдобровать, говорилъ Мамаджановъ, гадая на красную и черную, и поставилъ маленькій кушъ.

Сафьянчиковъ тоже не шелъ далѣе пяти рублей, и можно было подумать, что счастье начало улыбаться юнкеру.

На другомъ столѣ игра шла чисто на счастье; но Старошапкѣ не везло, и хоть онъ мѣнялъ карты безпрестанно, тасовалъ на разныя манеры, однако лекарь и казначей добивали уже

вторую лошадь. Оставалось взять рублей тридцать. Лекарь все выжидалъ, ставилъ маленькіе куши, наконецъ нашелъ тройку и сказалъ:

— До банка.

Старошапка поблѣднѣлъ немного.

— Кажется, всѣ уже вышли, проговорилъ онъ.

— Ничего, посмотримъ.

Послѣ нѣсколькихъ абцуговъ, тройка легла нагѣво.

— Банкъ сорванъ, сказалъ казначей.

— Вы имѣете право на четверть лошади, объявилъ ему лекарь:—угодно получить деньги.

— Конечно, не разрубать же лошадь. А все-таки съ васъ должна быть выпивка.

— Непремѣнно.

— Господа, говорилъ Старошапка:—я человекъ съ состояніемъ: мнѣ ничего не значитъ лишняя пара лошадей. Угодно, я заложу дышловыхъ?

— Пожалуй, сказалъ лекарь..

— И я не прочь, подхватилъ казначей.

Прочіе понтеры тоже изъявили согласіе.

— Только этихъ не ставлю меньше какъ въ четыреста.

— Рубликовъ пятьдесятъ сбавите, будемъ понтировать, сказалъ лекарь.

— Да вѣдь лошади хорошія.

— Мы ихъ не видѣли, а играемъ лишь бы не сидѣть сложа руки.

— Дѣлать съ вами нечего.

— Конечно, съ упряжью? спросилъ казначей.

— Нѣтъ, господа, упряжь не въ счетъ: договора не было.

— Она уже пойдетъ вмѣстѣ съ коляской, замѣтилъ лекарь.

Старошапка съ ожесточеніемъ курилъ трубку, которая страшно хрипѣла, и неистово тасовалъ карты, словно готовясь разорвать колоду.

— Господа! началъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я не могу метать, позвольте мнѣ понтировать.

Понтеры переглянулись.

— Все равно, сказалъ лекарь:—извольте, я закладываю вашихъ пару форейторскихъ, въ чемъ выигралъ. Господа, вы согласны?

Всѣ согласились.

Старошапка повеселѣлъ, разсчитывая, что если ему не везло въ качествѣ банкюмета, то могло повезти какъ понтеру, и началъ ставить разомъ по три, по четыре карты, имѣя кредитъ на триста-пятьдесятъ рублей.

Дѣла гусарскаго юнкера, какъ и слѣдовало ожидать, не поправились. Мамаджановъ и Сафьянчиковъ, удивляясь своему счастью, начали дорывать банкъ и наконецъ сорвали. У бѣднаго молодого человѣка выступилъ холодный потъ на лбу при мысли, что у него едва оставалось денегъ на дорогу.

— Баста! сказалъ онъ:—съ вами нельзя играть: я никогда не видывалъ подобнаго счастья.

— Да, вамъ не везло, замѣтилъ Мамаджановъ.

— Я проигралъ три тысячи и больше играть не буду, потому что денегъ нехватаетъ.

Сафьянчиковъ scomандовалъ закуску, и, пока люди суетились, помѣщикъ успѣлъ проиграть дышловую пару, изъ которыхъ одна досталась одноглазому штабсъ-капитану, а другая банкюмету.

Гости шумно окружили столъ, на которомъ стояли блюдо битковъ и нѣсколько бутылокъ вина и наливкокъ. Запасы, взятые изъ хутора, уничтожились тутъ же. Дѣло было за полночь. Мамаджановъ незамѣтно отозвалъ въ уголъ Сафьянчикова и, набивая трубку, шепнулъ, что не должно предлагать игру и не слѣдуетъ удерживать юнкера, на томъ основаніи, что кровь у него разыгралась и онъ не вытерпитъ, самъ придетъ. Сафьянчиковъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Гусаръ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Старошапка съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія ужина: ему сильно хотѣлось отыграться.

— Знаете что, господа, сказалъ онъ: — была не была, выигрывайте уже заодно упряжь и коляску. Я себѣ куплю новую.

— Да не поздно ли? замѣтилъ казначей.

— Въ веселой компаніи никогда не поздно; притомъ же на что мнѣ и коляска, когда лошади проиграны!

— Резонъ, отозвался казначей. А въ какую цѣну вы поставите?

— Бѣдно, бѣдно, а нельзя меньше тысячи.

— Можетъ быть, изъѣзженная, сказалъ лекаръ.

— Помилуйте! мнѣ ее дали за женой въ приданое, и притомъ она съ зонтикомъ.

— За тысячу рублей можно купить новенькій экипажъ, а этотъ рубликовъ шестьсотъ.

Начали торговаться и порѣшили дѣло на семистахъ рубляхъ, включая въ то число и упряжь. Старошапка изъявилъ желаніе метать и усѣлся.

— А вы? обратился онъ къ юнкеру.

— Я? продулся и отправляюсь спать.

— Богъ знаетъ что! примазываются къ намъ.

— Имъ не везетъ, сказалъ Мамаджановъ: — стало быть и уговаривать не надо.

— А вамъ не угодно? спросилъ помѣщикъ.

— Я тоже наигрался.

— Понтирнемъ! весело сказалъ Сафьянчиковъ.

— Нѣтъ, я хочу отдохнуть, отвѣчалъ Мамаджановъ и присоединился къ юнкеру, который докуривалъ трубку.

— Прощайте, сказалъ наконецъ гусаръ.

Сафьянчиковъ его не удерживалъ и проводилъ до двери.

— Ну что, Мамалыга? спросилъ лекарь по уходѣ юнкера: — чай налимонила тысяча двѣ?

— Далеко нѣтъ. Сафьянчикову везло гораздо больше.

— Рассказывай! Приставайте-ко сюда. Идетъ коляска съ зонтикомъ.

Сафьянчиковъ посмотрѣлъ на Мамаджанова, а этотъ сдѣлалъ отрицательный знакъ головою.

— Играйте ужъ вы, господа, сказалъ прапорщикъ: — а мы, отдохнувъ, можетъ быть, вдвоемъ перекинемся.

— Нашла коса на камень, проговорилъ одноглазый штабсъ-капитанъ, который первый разъ въ жизни выигралъ лошадь и былъ въ восторгѣ.

Игра продолжалась, по крайней мѣрѣ, полчаса безъ важныхъ послѣдствій. Сафьянчиковъ поставилъ пятьдесятъ рублей, занятые у него Старошапкой, и проигралъ. Мамаджановъ курилъ трубку и поглядывалъ на дверь, въ ожиданіи юнкера.

— А что жъ, Сафьянчиковъ, сказалъ онъ наконецъ: — сядемъ, перекинемся.

— Изволь; только обдерешь, братъ, меня какъ сидорову козу.

— Бабушка на двое сказала.

— Ну, чортъ поберетъ, куда ни шло: валять такъ валять, по кавалерійски.

И они успѣли за столъ, сговораясь играть въ пикетъ на счастье.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ незамѣтно юнкеръ.

— А вы въ коммерческую? сказалъ онъ, обращаясь къ Сафьянчикову.

— Отъ скуки, отвѣчалъ прапорщикъ: — товарищи играютъ, надо же и намъ чѣмънибудь заняться.

— А мнѣ не спится.

— И прекрасно сдѣлали, что пришли: можно будетъ составить бостончикъ.

— Какой тутъ бостончикъ! я въ него и играть не умѣю. Нѣтъ, если уже хотите, пойдѣмъ-те ко мнѣ. У васъ сильно накурено, а я велѣлъ и самоваръ ставить.

— Это дѣло, отозвался казначей:—не мѣшаетъ пропустить чайку, да и задать пуншацию.

— А что жъ, и я согласенъ, отозвался Старошапка, которому мелькнула мысль, что съ переменной мѣста, можетъ быть, переменится и счастье.

— Идемъ, идемъ къ гусару, дружно проговорили игроки.

Тотчасъ же распорядились о перенесеніи столовъ и прочихъ принадлежностей изъ одной квартиры въ другую. Пока происходила суматоха, юнкеръ отозвалъ Мамаджанова и Сафьянчикова.

— Господа, сказалъ онъ имъ несмѣло:—я игралъ съ вами, и потому только съ вами долженъ быть откровененъ. Денегъ у меня больше нѣтъ, но есть хорошія вещи — часы, кольца — тысячи на двѣ. На вещи я играть не хочу, но если вамъ угодно купить ихъ у меня или дать подъ нихъ денегъ, я играю.

— Зачѣмъ же покупать? сказалъ Мамаджановъ: — если хотите, оставьте ихъ у меня, а послѣ когда угодно пришлете за ними.

— Только чтобъ никто кромѣ васъ не зналъ этого. Позвольте же я усажу публику, потомъ придемъ сюда и распорядимся.

Черезъ нѣсколько минутъ вся гурьба перешла въ квартиру юнкера, въ которой было дѣйствительно просторнѣе и не слышался табачный дымъ, и когда Старошапка успѣлся за столъ, гусаръ отправился въ комнату Сафьянчикова, гдѣ Мамаджановъ, по осмотрѣ вещей, предложилъ ему полторы тысячи безъ про-

центовъ на три мѣсяца и обѣщалъ сохранить все въ цѣлости. Послѣ этого юнкеръ снова рѣшился играть, воображая, что имѣлъ дѣло съ честными людьми, и заложилъ пятьсотъ по обычаю.

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и народъ началъ шевелиться по улицамъ. Игроки продолжали свое занятіе какъ ни въ чемъ не бывало: казалось, сонъ никому не приходилъ на мысль, и самые слуги, подававшіе чай и трубки, ходили довольно бодро, подкрѣпляя свои силы пѣнникомъ.

Помѣщику улыбнулось было счастье: онъ отыгралъ одну лошадь у лекаря; но какъ этому господину никогда не суждено было выигрывать, то онъ испортилъ свои шансы, и скоро коляска его стояла лишь однимъ колесомъ надъ пропастью, какъ выразился одноглазый штабсъ-капитанъ.

Юнкеръ, въ свою очередь, проигралъ банкъ и молча заложилъ другой, рѣшась биться до послѣдней крайности.

Подъ окнами послышались громкіе звуки колокольчика и смолкли. Скрыпнули ворота, и на дворъ, гремя, взвѣхалъ какой-то тяжелый экипажъ. Юнкеръ послалъ узнать, кто прибылъ, рассчитывая на одного своего однополчанина. Скоро факторъ явился съ отвѣтомъ.

— Какой-то баронъ въ каретѣ шестерикомъ, сказалъ онъ: — потирая руки.

— Чего ты радуешься, Гуда? спросилъ Сафьянчиковъ: — заработалъ на водку, что ли?

— А, можетъ, и заработаю. Ведѣлъ наставить самоваръ.

— Если играетъ въ карты, ты просилъ бы его сюда, отозвался юнкеръ. Онъ военный?

— Вѣрно, былъ военный, съ большими усами. Хотите, спрошу.

И еврей юркнулъ въ переднюю.

— Позвольте, господа, навремя, сказалъ юнкеръ: — можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжій играетъ: авось мнѣ перемѣнится счастье. Согласитесь, что, такъ не идти — просто ужасъ.

— Да, вамъ сильно не идетъ, замѣтилъ Мамаджановъ: — подождемъ въ самомъ дѣлѣ. Вѣрьте, я душевно радъ проиграть, но лѣзетъ страшная карта.

— Отдохнемъ, сказалъ Сафьянчиковъ: — я порядкомъ и чаю не напился.

— Сдѣлайте одолженіе, я не велѣлъ тушить самовара. Можетъ быть, пуншу?

— Пожалуй.

Въ это время въ дверяхъ показался господинъ высокаго роста, съ большими усами, въ черной венгерскѣ, съ такими же шелковыми шурками.

— Имѣю честь рекомендоваться — баронъ Клюмпенау. Позвольте узнать, гдѣ хозяинъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сказалъ юнкеръ, вставая со стула и протягивая руку. Милости просимъ.

— Видно, что вы лихой кавалерис. ъ. Представьте, у меня комнатка маленькая, самоваръ не готовъ, чаю хочется, а тутъ вы были такъ добры и пригласили.

— Эй, чаю барону! Садитесь, будете гостемъ.

— Что жъ это, вы занялись дѣломъ спозаранку?

— Да мы и не ложились, сказалъ съ улыбкою Сафьянчиковъ.

— Банчикъ?

— И банчикъ и штосикъ.

— Продолжайте, пожалуйста. А тѣ господа, вѣроятно, въ коммерческую.

— Нѣтъ; но они составили свою партію. Не угодно ли и вамъ?

— Я почти не играю, говорилъ баронъ, принимаясь за чай:— или, лучше сказать, далъ слово женѣ воздерживаться, послѣ того, какъ въ Кіевѣ обработали артиллеристы.

— Счастье не всегда одинаково.

— Впрочемъ, я современемъ примажусь. А сколько?

— Пятьсотъ.

— Гм! Вотъ напьюсь чаю и приставлю карточку.

Юнкеръ началъ метать талію. Баронъ подошелъ къ столу, гдѣ металъ Старошапка, и смотрѣлъ съ улыбкой на эту оригинальную грязную личность, спросивъ, сколько въ банкѣ: Ему отвѣчали, что коляска съ зонтикомъ, «хотя подержанная, но еще порядочная», и пріѣзжій заключилъ, что банкOMETъ проигрался и добивалъ послѣднес. Баронъ, однакожъ, внимательно слѣдилъ за процессомъ игры и, допивъ чай, подсѣлъ къ чистафану.

— Что жъ, баронъ?

— Рискнуть развѣ?

И, вынувъ деньги, баронъ началъ ставить карты безъ всякаго

толку. Въ нѣсколько минутъ проигралъ онъ рублей сто и забастовалъ.

— Не везетъ, да я и не умѣю понтировать.

Мамаджановъ и Сафьянчиковъ, безъ зазрѣнія совѣсти, ставили вѣрныя карты и обирали неопытнаго гусара. Въ полчаса банкъ былъ сорванъ. Молодой человекъ растерялся.

— Да, вамъ не идетъ! сказалъ баронъ. А много проиграли?

— Больше трехъ тысячъ.

— И все выиграли эти господа?

— Да, намъ везло удивительно, сказалъ Мамаджановъ.

— Ги! произнесъ баронъ. Бываетъ. Мнѣ тоже не везетъ понтировать. Хотите заложу штосикъ?

— Отчего же не банчикъ? спросилъ Мамаджановъ.

— Не мечу, а штось, если угодно, могу.

— А сколько?

— Отвѣтный.

При этомъ баронъ вынулъ изъ бокового кармана толстѣйшій бумажникъ и показалъ нѣсколько тысячъ.

Въ это время свѣчи догорали, и, когда Старошапка потребовалъ новыхъ, казначей замѣтилъ, что совсѣмъ разсвѣло, можно открыть окна и задать утреннюю пуншацию. Помѣщикъ все еще держался съ коляской.

Когда открыли ставни, яркій свѣтъ облилъ просторную комнату, по которой вездѣ валялись карты, трубочная зола, просыпанный табакъ, и на всѣхъ лицахъ замѣтна была та неприятная истома, которая всегда слѣдуетъ за бессонными ночами. Многіе оставили навремя игру и вышли освѣжиться холодною водою; одинъ только Старошапка сидѣлъ за столомъ и неистово тасовалъ карты, воображая, что натасуетъ себѣ счастье.

Наконецъ усѣлись. Барона окружили три бойца, изъ которыхъ юнкеръ съ вѣрой въ счастье, а Мамаджановъ и Сафьянчиковъ съ грустнымъ сомнѣніемъ, потому что, понтируя противъ штоса, они не могли пустить въ ходъ никакой продѣлки. Баронъ съ первой же карты началъ бить напрапалую. Мамаджановъ пристально смотрѣлъ на банкмета и замѣтно воздерживался, но Сафьянчиковъ не успѣлъ оглянуться, какъ трехсотъ рублей не было. Юнкеръ спустилъ столько же. Чувствуя, что игра не чиста, Мамаджановъ, однакожь, не могъ понять утонченной тасовки. Никто изъ понтеровъ не хотѣлъ больше ставить.

— Что же, господа? спросилъ баронъ.

— Мечите банкъ, сказалъ Мамаджановъ.

— Если угодно, извольте, хоть это и не моя игра; но вы въ подмазкѣ, и я соглашаюсь.

Баронъ началъ метать банкъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ металъ штось, и также билъ всѣ карты. Онъ держалъ колоду въ рукѣ такимъ образомъ, что не помогали ни долгіе листы, ни боченки, ни крапъ, и вѣрную карту подсмотрѣть было невозможно. Мамаджановъ отсталъ рѣшительно. Баронъ внимательно посмотрѣлъ на него. Сафьянчиковъ и юнкеръ спусти-ли еще по пятисотъ.

— Невозможно понтировать, сказалъ гусаръ:—я больше не играю.

— Какъ угодно! Извольте метать, такъ и быть сдѣлаю реваншъ; только позвольте схожу къ себѣ приказать кое-что.

И, положивъ деньги въ карманъ, баронъ вышелъ. Слѣдомъ за нимъ отправился Мамаджановъ.

— Вы ловко играете, баронъ, сказалъ онъ:—не мѣшало бы въ половинѣ.

— А вы, на какія дѣтскія штуки обираете бѣдняжку юнкера? ха, ха, ха!

— Угодно пополамъ? Я хоть и въ связи съ прапорщикомъ, но онъ новичокъ—не замѣтитъ; а у него есть еще около тысячи, да у юнкера коляска, шестерикъ и вещи.

— Ну, дѣло. Только смотрите! Меня не надуете. А этотъ гусь, что проигрываетъ экипажъ?

— Это какая-то сволочь, да и пробубенился. Гусаръ богатъ.

— Такъ и быть пополамъ. Ступайте же, чтобъ не подать подозрѣнія, и захватите у меня картъ.

Мамаджановъ возвратился и разыгралъ роль огорченнаго.

— Это чортъ знаетъ что такое! сказалъ онъ, подходя къ товарищамъ: — вотъ нажили гостя!

Сафьянчиковъ ерошилъ волосы и вопросительно смотрѣлъ на Мамаджанова. Послѣдній сдѣлалъ ему знакъ, и оба отошли въ уголъ.

— Ну, что, Мамалыга?

— Осторожная бестія.

— Но, какъ думаешь, шулеръ первой степени?

— Нисколько. Подлецъ просто играетъ на счастье, но от-

лично похищаетъ дѣло. При немъ нельзя уже рассчитывать ни на какія штуки.

— А если ты промечешь?

— Надо держать ухо востро, чтобъ не смазаль по рылу: тогда все пропало.

— Значить, не горячиться, а играть благоразумно.

— Самое лучшее.

— Поздравляемъ! поздравляемъ! Раздались голоса за другимъ столикомъ.

— Что такое?

— Нашъ докториссимусъ выигралъ коляску.

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ лекарь:—надобно отложить понтерамъ рублей около сотни.

Старошанка сидѣлъ блѣдный и растерянный.

— Какъ же это, господа, говорилъ онъ, машинально перебирая карты:—и лошадей проигралъ, и коляску.

— А также проиграли, и баста!

— Я думалъ, отыграюсь, сказалъ помѣщикъ плаксивымъ голосомъ. Какъ же мнѣ теперь явиться къ женѣ?

— Вы не мальчикъ: знали, зачѣмъ садитесь, замѣтилъ лекарь.

— Я, господа, если угодно, дамъ вамъ росписку.

— Нѣтъ, я на такія штуки не согласенъ, а потрудитесь заплатить чистыя деньги и берите назадъ своихъ лошадей и коляску.

— Хорошо, я постараюсь, пойду на квартиру и пошлю за однимъ Евреемъ.

— Проходиться не мѣшаетъ, сказалъ лекарь:—а я буду очень радъ получить деньги.

Помѣщикъ не прощался и сказалъ, что скоро придетъ и, можетъ быть, попробуетъ отыгаться.

Лекарь отдалъ какое-то приказаніе фактору, который и отправился слѣдомъ за Старошанкой. Вѣшелъ баронъ.

— Ну, что же, господа, сказалъ онъ:—переправа скоро будетъ готова. Угодно играть, срѣжемся; не угодно, пошлю за почтовыми.

— Да вы адски бьете! замѣтилъ Сафьянчиковъ.

Страсть къ игрѣ одержала, однакожь, верхъ надъ боязнію, и всѣ усѣлись понтировать противъ барона, который согласился метать банкъ, хоть и не любилъ его.

Въ какой нибудь часъ времени, прїѣзжій всѣхъ обработалъ, такъ что ни у кого, даже у Мамаджанова, не осталось денегъ. Гусарь разгорячился и предложилъ играть на экипажъ и лошадей. Сафьянчиковъ вошелъ въ азартъ и пустилъ въ ходъ бричку и тройку Марѣы Михайловны. Явился помѣщикъ, доставшій у Евреевъ немного денегъ за большіе проценты, и къ полудню всѣ были обобранны дочиста. Больше всѣхъ снисхожденія баронъ показалъ къ юнкеру: онъ оставилъ ему вещи, экипажъ, лошадей, взявъ только росписку, и далъ даже денегъ на дорогу. Коляска же и лошади помѣщика, проигранныя лекаремъ, и бричка и тройка Марѣы Михайловны были проданы проѣзжимъ Евреямъ, и знаменитый игрокъ поспѣшилъ выѣхать на почтовыхъ. Мамаджановъ заходилъ къ нему прощаться и акуратно получилъ свою долю.

Сафьянчиковъ остался, что называется, на бобахъ. Съ досады отколотилъ онъ Терешку, который вздумалъ было защищать интересы своей госпожи, и прогналъ его съ Никиткой пѣшкомъ на хуторъ, а самъ едва выпросилъ у Мамаджанова двадцать-пять рублей, чтобъ уѣхать въ роту. Мамаджановъ выговаривалъ ему за горячность и обнадежилъ, что обстоятельства поправятся. Нанявъ еврейскую лошаденку, прапорщикъ въ мрачномъ расположеніи духа поѣхалъ домой, придумывая, какъ бы приличнѣе явиться передъ вдовушкой.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).